



G.R.S. Mead

Современное положение Синоптической проблемы

Вопрос о «тенденциях» у авторов синоптических Евангелий имеет первостепенное значение, поскольку, как говорит профессор Шмидель, «те или иные тенденции» признают даже самые консервативные критики. Особенно следует отметить неоднократные призывы Матфея к иудеям доказать мессианство Христа, опираясь на Ветхий Завет, предваряемые словами «да сбудется Писание». Не менее примечательна полемика, которую ведёт Матфей против книжников и фарисеев, в то время как в Евангелии от Луки, в отличие от Матфея, многие из этих речей обращены к народу в целом. Это и многие другие моменты показывают, что Евангелие от Луки. Он преследовал интересы язычников. Но в чём заключается особенность Евангелия от Марка? Судя по небольшому количеству речей Иисуса, включённых в Евангелие от Марка, можно сделать вывод, что он придаёт меньшее значение учению, чем личности Иисуса. Мы бы скорее сказали, что особенностью Евангелия от Марка (или, скорее, «вложенного» в Евангелие от Марка документа) является история задуманной жизни.

Далее, «каждый евангелист по-своему находится под влиянием апологетических интересов и стремится своим повествованием служить им». Это уже было предметом споров. Ещё одна сильная тенденция, проявляющаяся у всех трёх авторов, — политическая: «желание сделать римскую власть как можно менее ответственной за смерть Иисуса».

Итак, как мы видели в нашей предыдущей статье, традиционная точка зрения рассматривает Лк. как произведение, написанное специально для Павла, но эту «широко распространённую точку зрения» можно поддерживать «только в очень ограниченном смысле».

Это правда, что в Евангелии от Луки мы находим осуждение еврейского народа, но, помимо этой общей позиции, нет ярко выраженной доктрины Павла; с другой стороны, Евангелие от Луки сохраняет и поддерживает ярко выраженную эбионитскую традицию. Бедные благословляются просто потому, что они бедны, а богатые осуждаются просто потому, что они богаты; другие высказывания и притчи также пропитаны той же атмосферой.

Итак, эбиониты (или «нищие») были самыми невежественными из первых последователей общественного учения, которые, по-видимому, видели в Учителе своего рода социалистического лидера, поскольку мы не можем поверить, что Он проповедовал столь грубую и безнравственную доктрину, как здесь представлена. Эбиониты составляли одно из крыльев иудействующей партии, с которой боролся Павел. Поэтому чрезвычайно трудно понять, почему, если в Евангелии от Луки Если бы он был последователем Павла, то должен был бы включить в своё Евангелие часть наиболее ярко выраженной традиции противоположной стороны.

Но важнее любых особых тенденций, которые можно обнаружить у отдельных авторов, является общая тенденция к созданию документа, который должен служить интересам зарождающейся католической церкви, то есть точки зрения, которая могла бы быть принята в целом.

Переходя далее к обзору основных гипотез, которые были выдвинуты в качестве предварительных решений синоптической проблемы, профессор Шмидель характеризует очень простую гипотезу о "первоначальном Евангелии, передаваемом исключительно по устной традиции" — так что в конечном итоге сформировался "фиксированный тип повествования" на арамейском, родном языке современников Иисуса, — как "убежище невежества", противоречащее всем критическим фактам, если принять во внимание все факты. Тем не менее, гипотеза об устной традиции, или, скорее, устных традициях, как об одном из факторов, которые необходимо учитывать, должна содержать «важный элемент истины».

Следующая по простоте гипотеза - это гипотеза о заимствовании, когда мы должны "отбросить все представления о любых других письменных источниках, кроме канонических, и должны, насколько это возможно, не принимать во внимание идею любых устных источников". Из шести мыслимых порядков только за три продолжают серьезно спорить: Мф., Мк., Лк.; Мк., Мф., Лк.; Мк., Лк., Мф. Следует, однако, отметить, "что каждое утверждение, каким бы очевидным оно ни было, относительно приоритета одного евангелиста и второстепенности другого в любом данном отрывке будет опровергнуто целым рядом известных ученых".

Подводя итог доказательствам, профессор Шмидель приходит к выводу, что «гипотеза заимствования, если не подкреплять её другими предположениями, неосуществима». Результаты этого исследования, на наш взгляд, указывают на то, что три автора синоптических Евангелий были современниками и знали о замыслах друг друга, но не заимствовали друг у друга. «Заимствование» происходило из других письменных источников, которыми они пользовались.

Далее мы переходим к гипотезе о едином оригинальном письменном Евангелии; она уязвима для тех же возражений, что и единая оригинальная устная традиция, с той лишь разницей, что «она лучше объясняет сходства в наших Евангелиях, а их различия — хуже».

Следующая гипотеза, которую следует рассмотреть, заключается в том, что в Евангелиях от Матфея и Луки используется оригинальный текст Евангелия от Марка, то есть Евангелие от Марка в той же форме, но отличающееся от того, которым мы располагаем сейчас.

Совершенно очевидно, что Евангелия от Матфея и от Луки не используют наш Евангелие от Марка, хотя и содержат много материала, взятого из нашего Евангелия от Марка; но мы никогда не могли понять, почему это явление можно объяснить, постулируя существование оригинального Евангелия от Марка. В Евангелии от Марка, безусловно, есть «вложенный» документ; но этот «вложенный» документ не является оригинальным Евангелием от Марка, а свободно используется в Евангелиях от Матфея, от Марка и от Луки, и, следовательно, можно сказать, что он в равной степени вложен во все три. Невозможно определить, является ли этот документ, включённый в Евангелие от Марка, Евангелием от Марка Папия, но наше Евангелие от Марка, по всей вероятности, не является Евангелием от Марка Папия, хотя, вероятно, именно из-за неверно понятого высказывания Папия оно получило такое название.

Далее мы переходим к теории о Логии (о которой говорит Папий) как вероятном источнике для Евангелий от Матфея и Луки, то есть об общем материале (речах и притчах), использованном в Евангелиях от Матфея и Луки, но не в Евангелии от Марка, поскольку нельзя сказать, что в этом отношении они заимствовали друг у друга, поскольку, помимо общего сходства, «отрывки демонстрируют довольно характерные расхождения».

Прежде всего, остаётся только предполагать, имел ли Папий в виду под «Логией» просто «Изречения» или «Изречения вперемешку с деяниями». Во-вторых, хотя профессор Шмидель считает, что Папий был знаком с нашим каноническим Евангелием от Матфея, этому нет абсолютно никаких доказательств, и, напротив, утверждение Папия о его Евангелии от Матфея с уверенностью, на которую только можно рассчитывать в этом запутанном вопросе, говорит о том, что это было не наше Евангелие от Матфея, поскольку собрание «Логий» его Евангелия от Матфея было единым документом, написанным на иврите. Совершенно очевидно, что наша Библия в том виде, в каком она существует, не была написана на иврите, хотя некоторые из её источников, возможно, первоначально были написаны на классическом языке евреев (иврите) или на разговорном языке (арамейском). Но по этому вопросу существует большое расхождение во мнениях критиков.

Действительно, в связи с этим ничего нельзя доказать относительно «Евангелия от Матфея» Папия; всё, что можно утверждать в настоящее время, — это то, что, несомненно, существовал ещё один источник, общий для Матфея и Луки, помимо источника, общего для всех трёх синоптиков. Эта так называемая теория двух источников, как нам говорят, «входит в число тех результатов евангельской критики, которые получили наибольшее признание».

Но более продвинутые критики не удовлетворены предположением, что у Матфея и Луки был только один источник, а у Марка его не было, поскольку расхождения между ними настолько велики, что если бы был только один источник, то один из этих евангелистов или оба должны были отнестись к источнику с «крайней свободой». Об этом особенно свидетельствует эвионитский оттенок Логии в Евангелии от Луки. Тщательное изучение этого явления приводит к выводу, что необходимо постулировать существование других источников, по крайней мере, в том, что касается Луки.

Более того, теория «оригинального Евангелия от Марка» или «вложенного документа» уже не так проста, как раньше. В ней ищут источники, и не без успеха, и всё больше людей верят, что в Мф. 24, Мк. 13 и Лк. 21, например, сохранились остатки древнего фрагмента апокалиптического характера. Этот отрывок совершенно не похож на учение Иисуса, записанное в других местах, но тесно связан с другими апокалипсисами того времени. «Соответственно, можно предположить, что апокалипсис, который изначально существовал отдельно, здесь вложен в уста Иисуса». Этот фрагмент известен критикам как «Малый апокалипсис».

Также были выдвинуты предположения о других второстепенных источниках, среди которых можно особо отметить так называемое анонимное Евангелие Шолтенса, найденное в некоторых отрывках из Евангелий от Матфея и Луки, и книгу, которая, как считается, упоминается в Евангелии от Луки под названием «Премудрость».

Параллели, которые Зейдель также приводит из жизни Будды, «во многих местах очень поразительны, по крайней мере, в том, что касается истории детства Иисуса, и его доказательство того, что буддийские источники старше христианских, должно считаться неопровержимым».

Однако мы не считаем, что в данном случае имело место какое-либо внешнее заимствование или использование каких-либо письменных или устных источников, а внешнее сходство возникло по внутренним причинам.

Но «синоптическая проблема настолько сложна, что сейчас найдётся мало студентов, если вообще найдутся, которые считают возможным решение с помощью какой-либо из описанных выше гипотез без привлечения других средств.

Потребность в объединении нескольких из них ощущается всё сильнее». Затем профессор Шмидель приводит несколько интересных «графических представлений» или диаграмм некоторых из этих комбинаций, которые не слишком сложны и были предложены некоторыми из наиболее известных критиков, а затем проверяет, достаточно ли они объясняют проблему, и обнаруживает, что все они в чём-то не дотягивают.

Затем он переходит к исследованию очень сложной темы «источники источников». Это исследование указывает на столько новых явлений, которые необходимо принять во внимание, что оно практически опровергает большинство выдвинутых до сих пор гипотез о происхождении и приводит к далеко идущим последствиям. Поэтому мы не можем не привести некоторые из наиболее поразительных выводов, к которым профессор Шмидель пришёл на основе современной евангельской критики:

«Первое впечатление, которое создаётся при знакомстве с новой ситуацией, заключается в том, что решение синоптической проблемы, которое, казалось, было так близко после стольких усилий, внезапно отодвигается на неизмеримое расстояние. Однако для науки не будет лишним время от времени отказываться от света, который она раньше считала достаточно ярким, и привыкать к новому исследованию своих объектов в темноте». Возможно, тогда он обнаружит, что избавился от некоторых ложных представлений, в которых раньше рассматривал вещи. В данном конкретном случае он больше не обязан относить тот или иной отрывок ни к какому другому источнику, кроме «Логии», или к оригинальному «Мк.», или к какому-либо другому из тех немногих источников, с которыми он привык иметь дело. Большая опасность любой гипотезы заключается в том, что она выдвигает ряд довольно общих предположений на основе ограниченного числа наблюдений, а затем пытается найти подтверждение этим предположениям, что бы ни случилось.

«С другой стороны, в течение некоторого времени не было недостатка в признаках того, что учёные были на пути к признанию только что описанной новой ситуации», — например, гипотезы о прото-, деутеро-, трито-Мк, и тому подобном. И даже те критики, которых удовлетворяют более простые гипотезы, должны считаться с вероятностью того, что такие тексты, как оригинальный «Мк.» или «Логии», в процессе переписывания или в руках отдельных владельцев могли быть дополнены или изменены всякий раз, когда кто-то считал, что знаком с более достоверной традицией по какому-либо вопросу. Таким же образом принимается во внимание возможность того, что канонический текст Евангелия от Марка, в частности, не дошел до нас в том виде, в котором он дошел до тех, кто жил сразу после него; необходимо учитывать возможные искажения текста, глоссы и тому подобное. Еще одним фактором, который следует учитывать, является то, что уже в наших старейших рукописях В Евангелиях скрыто множество примеров переноса текста из одного Евангелия в другое, примеров, подобных тем, которые мы можем отчётливо наблюдать во многих случаях, когда Т.Р. [наш нынешний принятый текст] сталкивается с этими же свидетелями...

«Наконец, учёные начинают вспоминать, что евангелистам не нужно было черпать материал только из книг. Существовало множество устных преданий и легенд, которые каждый из них мог использовать по своему усмотрению». От этого наиболее интересного и поучительного обзора современного состояния синоптической проблемы мы переходим к рассмотрению достоверности синоптических Евангелий.

В самом начале профессор Шмидель сетует на ненаучный подход, с которым по большей части рассматривается этот вопрос. «Таким образом, многие до сих пор считают себя вправе принимать за исторически достоверное всё, что написано в Евангелиях, если не доказано, что это ложь.

Другие, по крайней мере, прислушиваются к мнению, что повествование становится более достоверным, если встречается во всех трёх Евангелиях (как будто в таком случае все они не были написаны на основе одного источника); и, за очень немногими исключениями, все критики впадают в очень серьёзную ошибку, сразу же принимая что-то за истину, как только им удаётся проследить его «источник».

От таких заблуждений мы должны освободиться в начале любого независимого исторического исследования. Две противоположные точки зрения должны направлять нас в рассмотрении основных моментов синоптических Евангелий. «С одной стороны, мы должны отбросить всё, что по какой-либо причине, вытекающей либо из содержания, либо из литературной критики, следует считать сомнительным или ошибочным; с другой стороны, нужно искать все данные, которые по своей природе не могут считаться выдумкой».

Согласно этому канону правосудия, два важнейших факта, которые мы обязаны признать, заключаются в том, что Иисус сострадал множеству людей и учил с авторитетом.

С другой стороны, хронологическая структура «должна быть отнесена к числу наиболее недостоверных элементов в Евангелиях», и порядок повествования не лучше.

Опять же, «предполагаемые ситуации, в которых были произнесены записанные высказывания Иисуса, ни в коем случае нельзя принимать на веру».

Что касается мест, то «в случае очевидца воспоминание о событии легко связывается с определённым местом», но это не подтверждается нашими Евангелиями.

Что касается людей, то «ни имена женщин у креста, ни имена двенадцати апостолов не упоминаются в двух местах одинаково».

Опять же, «некоторые из приписываемых Иисусу высказываний явно относятся к тому времени, которого он не застал».

Что касается важного вопроса о чудесах, то даже самый убеждённый верующий в чудеса должен сомневаться в точности описаний. Приводя доказательства, как он делает в каждом случае для каждого из своих утверждений, профессор Шмидель пишет: «В целом факты, приведённые в предыдущих абзацах, слишком ясно показывают, с каким пренебрежением к исторической точности пишут евангелисты. Неизбежен вывод, что даже тот евангелист, чья история в каждом конкретном случае содержит меньше сверхъестественного, чем истории других евангелистов, всё равно далёк от того, чтобы на этом основании претендовать на безоговорочное принятие его повествования. Точно так же, как те, кто пришёл после него, превзошли его, вполне возможно, что и он сам превзошёл тех, кто был до него.

Что касается весьма противоречивых рассказов о воскресении, то определяющим взглядом на все дело является тот факт, "что ни в одном описании каких-либо явлений воскресшего Господа Павел не усмотрел ничего, что отличало бы их от его собственных, полученных в Дамаске". Что касается заключения Мк. 16, 9-20, то оно, по общему признанию, не является подлинным, и, если будет установлено, что, согласно недавно обнаруженной армянской надписи к этому приложению, оно было написано Аристионом, "на этого "ученика Господа", как называет его Папий, будет пролит очень неблагоприятный свет".

Далее мы переходим к тому, что профессор Шмидель считает абсолютно достоверными отрывками из жизни Иисуса.

Есть пять отрывков об Иисусе в целом и четыре отрывка о чудесах Иисуса, которые профессор считает «основополагающими для настоящего научной жизни». Первые пять отрывков следующие: «Что ты называешь Меня благим? «Нет никого, кто был бы добр, кроме Бога»; что богохульство против «сына человеческого» может быть прощено; что его родственники считали его не в своём уме; «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один»; и «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?»

Профессор Шмидель считает, что эти отрывки доказывают «не только то, что в лице Иисуса мы имеем дело с совершенно человеческим существом и что божественное в нём следует искать только в той форме, в которой оно может быть обнаружено в человеке; они также доказывают, что он действительно существовал и что Евангелия содержат некоторые абсолютно достоверные факты о нём».

Четыре избранных отрывка из "чудес" следующие: Иисус решительно отказался сотворить "знамение" на глазах у своих современников; Иисус не смог совершить никакого великого дела (за исключением исцеления нескольких больных) в Назарете и удивлялся неверию людей; накормление 4000 и 5000 человек следует интерпретировать духовно, поскольку Иисус ссылается на это в упреке ученикам за их малое понимание ("Как это вы не понимаете, что Я не говорил вам о хлебе?"); так же и в ответе Крестителю, что Иисус сказал ученикам о том, что они не понимают ". "слепые видят, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, а бедным проповедуется Евангелие" подразумевается тот же духовный смысл.

На этих избранных отрывках профессор Шмидель основывает свой взгляд на Иисуса; но если мы не довольствуемся столь ограниченным представлением о возможности чудес и признаём также чудеса исцеления, то «нам позволительно считать историческими только те из них, которые даже в наши дни врачи способны совершать с помощью психических методов, особенно в отношении лечения психических заболеваний».

Но даже если мы признаем (а мы вполне готовы это сделать), что происхождение некоторых чудесных повествований связано с образной речью, а других — с влиянием пророческих отрывков из Ветхого Завета, мы не готовы искать их происхождение в неправильно понятой метафоре или толковании пророчеств, как и называть мифологию просто болезнью языка. Мы также не готовы согласиться с тем, что профессор Шмидель выбрал тестовые задания в качестве «основополагающих столпов по-настоящему научной жизни» Иисуса, если только под «научной» мы не понимаем исключительно нынешнюю ограниченную область научных исследований, которая, как известно, ничего не может сказать нам о душе и её возможностях. Но именно факты, связанные с душой (её природой и возможностями), составляют факты религии, и только они могут пролить свет на внутреннюю сторону истоков или объяснить точку зрения авторов Евангелий. Именно здесь «высшая критика» терпит крах; она бесценна в своей области, но пока совершенно неспособна объяснить внутреннюю сторону — самую важную сторону — эволюции христианства.

Профессор Шмидель рассматривает Иисуса также как источник изречений и, указав на исторические и критические трудности, связанные с каждым другим классом изречений, продолжает: «Именно когда мы рассматриваем чисто религиозно-этические высказывания Иисуса, мы оказываемся в наиболее выгодном положении.

Здесь особенно применим принцип, согласно которому мы можем считать достоверным всё, что согласуется с представлениями об Иисусе, основанными на том, что мы называем «фундаментальными столпами», и не вызывает возражений."

Надо признать, что это плохой результат всех наших исследований — сводить грандиозную концепцию Мастера к таким буржуазным пропорциям. Это почти так же ничтожно, как «дорогой мэтр» Ренана. Тем не менее, таков общий настрой современного прогрессивного критика, и до тех пор, пока он будет смотреть на «факты о религии» исключительно с точки зрения современных научных ограничений, он будет исключать многие из наиболее важных «фактов о религии».

Но вернёмся к более безопасному вопросу об авторах и датах написания синоптических Евангелий и их важнейших источниках. Профессор Шмидель считает, что слово «евангелие» стало обозначать книгу только в середине II века. С лингвистической точки зрения, традиционные названия «Евангелие от Матфея» и т. д. означают не «написанное Евангелие от Матфея» (или, тем более, «написанное Евангелие, основанное на сообщениях Матфея»), а просто «евангельскую историю в той форме, в которой Матфей изложил её в письменном виде» и т. д. В оригинальных текстах вообще не было надписей.

Рассматривая доказательства того, что содержание документа Лукианской церкви приписывается Павлу, профессор Шмидель приходит к выводу, что «это всего лишь уловка, к которой прибегли отцы церкви, чтобы придать квазиапостольское происхождение работе человека, который сам не был апостолом».

Точно так же вызывает подозрения утверждение, что Евангелие от Марка основано на рассказах Петра. «Короче говоря, можно с уверенностью сказать лишь то, что напрасно искать у отцов церкви достоверную информацию о происхождении Евангелий».

Более того, вопрос о том, был ли Марк из Патарин автор «оригинального Евангелия от Марка», является чисто субъективным, поскольку у нас нет оригинального Евангелия от Марка. «Если бы оригинальное Евангелие от Марка было написано на арамейском языке, то автор не мог бы считаться автором канонического Евангелия от Марка». Но мы можем предположить, что существует высокая вероятность того, что оригинальный общий документ в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки. Возможно, оно было написано на иврите, а не на арамейском, и это не зависит от вопроса о его источниках.

Что касается Первого Евангелия, то авторство апостола Матфея «должно быть отвергнуто» по многим веским причинам. «Тем более настойчиво пытаются сохранить за Матфеем» авторство «Логии». Но даже здесь, как мы уже видели, есть много трудностей, с которыми приходится сталкиваться.

Что касается дат. Некоторые отрывки явно указывают на то, что Логия, найденная в Евангелии от Матфея, была написана в более ранний период. Под более ранним периодом подразумевается период до 70 года н. э. (разрушение Иерусалима) — единственное, что мы можем использовать в качестве критерия. Но даже это утверждение о более раннем периоде написания некоторых Логий, сохранившихся в Евангелии от Матфея, не может быть окончательно подтверждено.

Что касается истории о волхвах, то в сирийском тексте, приписываемом Евсевию Кесарийскому, «содержится утверждение, которое вряд ли можно было выдумать, что это повествование, записанное в глубине Персии, было найдено в 119 году н. э., во время епископства Ксиса Римского, обнаружено и записано на языке тех, кто им интересовался (то есть на греческом)». «Те, кто датирует Евангелие от Матфея более ранней датой, чем 119 год н. э., соответственно предполагают, что «приложение», относящееся к волхвам, было добавлено позднее. Но, на наш взгляд, самая простая и естественная гипотеза состоит в том, чтобы считать 119 год н. э. конечной точкой канонического Евангелия от Матфея.

Что касается канонического Евангелия от Марка, то у нас нет никаких данных для определения его даты, кроме выводов, сделанных на основе противоречивых результатов критических исследований гипотезы заимствования, которые, на наш взгляд, ясно указывают на то, что авторы синоптических Евангелий были современниками.

Поскольку «совершенно очевидно», что автор Евангелия от Луки также был автором Деяний апостолов, а автором Деяний апостолов «не мог быть Лука, спутник Павла», Лука не мог быть автором Третьего Евангелия.

Итак, автор Евангелия от Луки определённо был знаком с трудами Иосифа Флавия, и это позволяет установить верхнюю границу, *terminus a quo*, или самую раннюю возможную дату написания Евангелия от Луки — 100 год н. э. Однако во всём этом нет ничего определённого, и ничто не мешает предположить более позднюю дату. Вкратце, на наш взгляд, наиболее безопасным выводом является утверждение, что все три синоптические Евангелия были написаны во времена правления Адриана (117-138 гг. н. э.).

Обычно считается, что доверие к Евангелиям возросло бы, если бы удалось доказать, что они были написаны раньше, но это ошибка. "Неопределенность в хронологическом вопросе никоим образом не влечет за собой никакой неопределенности в суждении, которое мы должны составить о самих Евангелиях . . . Действительно, даже если бы можно было доказать, что наши Евангелия были написаны начиная с 50 г. н.э. или даже раньше, у нас не было бы никакой необходимости отказываться от наших выводов относительно их содержания; напротив, нам нужно было бы только сказать, что несомненная трансформация первоначальных традиций произошла гораздо быстрее, чем мы могли бы быть готовы предположить ".

Таким образом, профессор Шмидель разбивает в пух и прах ложные надежды тех, кто вообразил, что, поскольку профессор Гарнак недавно изменил своё мнение по некоторым вопросам гипотетической хронологии документов, все прежние позиции были восстановлены в первозданном виде!

Наша следующая статья будет посвящена Четвертому Евангелию.